

Сюжет книги основан на реальной истории.

*Из уважения к причастным к ней лицам
и соображений их безопасности автор вывел
часть их под вымышленными именами и изменил
название мест, где разворачивались некоторые
из описанных им событий.*

*В этих случаях возможные совпадения
с реальностью случайны.*

В остальных они преднамеренны.

Пролог

Она встает — взгляд устремлен в пол. Покачиваясь на нетвердых ногах, держится за спинку кровати. Комната ходит ходуном. В воздухе висит рвотный запах. На коврик перед кроватью — кусочки пиццы, покрытые слизью желудочного сока. Она прикрыла их туалетной бумагой, чтобы не так бросались в глаза.

В желудке пусто, но болезненные спазмы продолжают — это рефлекс. На хлопковом постельном белье в сине-белую полоску пятна рвоты, но она их не видит. Она трясется в ознобе, а некоторое время спустя — минуту или, может, час — по спине и лбу бегут ручьи пота. Бедрa становятся липкими, простыню хоть выжми. Она стучит зубами. Ей кажется, холод начинается где-то в сердце и с кровью распространяется по всему телу.

Это и есть ад. Мысли появляются и исчезают, так что она не успевает их зарегистрировать. Наконец поднимает голову, моргает и фокусирует взгляд.

За окном жухлая трава да островки поросших мхом камней на глинистом поле, тянущемся до самого леса. Земля не может впитать столько влаги, поэтому в углублениях образуются покрытые льдом

лужицы. На них остатки снега, который шел в начале декабря, и ни малейшего шанса, что Рождество будет белым и красивым.

Там ранний вечер, но небосвод вздымается у горизонта, словно гигантская мутная декорация, которую нарисовал ребенок плохо промытой кистью. Серый свод выгибается над пятью деревянными домами и немногими деревьями, уцелевшими после вырубки леса.

Она в последний раз смотрит на этот безжизненный ландшафт.

Снова подступает тошнота — внезапно, как удар в живот. Она стонет, наклоняется вперед. Комната вокруг начинает вращаться все быстрее и быстрее. Она отпускает спинку кровати и ковыляет в сторону ванной. Потом слышит жалобный монотонный скулеж. Неужели это она издает такие звуки? Нет, должно быть, в комнате есть кто-то еще. Но она не оборачивается, бросается вперед, всем весом налегая на дверную ручку.

Ей нужно ухватиться за что-то твердое, потому что дрожь в теле не прошла. Никогда еще она так не мерзла. Она вваливается в ванную, закрывает дверь и опускается на колени. Подается вперед, не вставая, и дотягивается до крана.

Сидя на унитазах, слушает журчание воды. Отдаваясь эхом в висках, этот звук перерастает в страшный грохот, который наполняет ее целиком и лишает рассудка. А потом в нос изнутри снова ударяет запах рвоты. В горле жжет желудочный сок, и она вдруг понимает, что плачет, всхлипывая. Почему она раньше этого не замечала?

Она как будто не владеет собственным телом, и это пугает ее больше всего. Рот открывается, слюна струйкой стекает на подбородок и шею, и она кричит, глотая слезы. Почему же ничего не слышно?

Беззвучный крик оборачивается новыми болезненными судорогами, и она задыхается. Потом в глазах темнеет, и она падает с унитаза на кафельный пол. Тупая боль в плече на мгновение возвращает ее к действительности.

Мир снова становится осязаемым, обретает твердые формы. Она ложится в позу эмбриона, подтягивает колени к подбородку и плачет, теперь спокойнее. Отчаяние сменяется чем-то более глубинным и менее острым — тем, что можно назвать подавленностью или тоской.

Такой тоской, за которой больше ничего не может быть.

Ноги ледяные, как будто она провела ночь на улице. Она берется за бортик и поднимается на колени. Воды в ванне чуть больше половины. Она переваливается через бортик, словно ползет по полосе препятствий. Ценой невероятного усилия, но ей удается встать на ноги. Горячая вода достает почти до коленей. Она с трудом сохраняет равновесие. Майку она так и не сняла — боязно оставаться голой, когда трясет от холода. Она закрывает глаза.

Что она слышит?

Нескончаемое журчание и звук, с которым струя разбивается о поверхность воды. Слышит ли она, как гудят трубы в стене? Или как открывается и снова закрывается дверь ванной? Этого она не знает.

Она хочет выключить кран и наклоняется, но теряет равновесие и падает вперед, ничего не успевая

понять. Ударяется о смеситель височной костью и падает в ванну.

Она мертва. Кровь из проломленной головы похожа на красную шелковую ленту, медленно разворачивающуюся в воде.

Она лежит на животе, лицом вниз. Майка в голубую полоску обернулась вокруг тела, и это придает ему по-детски трогательный вид.

Отчего картина становится еще трагичней.

Кристина Форсман

Лето — зима 1997

1

— Разве магазин «Иса»¹ может быть таким красивым?

Это была шутка, но красно-белый деревянный дом в три этажа с одноэтажной пристройкой и яркими рекламными баннерами и в самом деле смотрелся странно.

— Кубизм? — предположил Синдре. — Или квадратизм?

Кристина рассмеялась. Заразительно, потому что от всей души. Ей становилось все радостнее с каждым новым километром, отдалявшим их от Кристинехамна.

Наконец-то.

Они выехали из Книвсты, взяли курс на запад, через Эдсбру, и долго петляли по дорогам Уппланда, мимо таких вот красных домишек на разной стадии разрушения, мелькающих среди непроходимых зарослей вяза и березняка. По сторонам дороги проносились щиты с названиями поселений, потом еще пара домов и снова лес с редкими просветами просек.

Неожиданно с правой стороны выплыло быстро «Кнутбю», а потом и это строение слева с флагами и вывеской «Иса — Кнутбю» над входом.

---

¹ «Иса» — сеть продовольственных супермаркетов в Швеции.

— Кубизм или нет, но красиво, — подытожила Кристина, — и немного сказочно, правда?

Синдре на пассажирском сиденье хмыкнул и возразил, что не видит в этом ничего сказочного. Кристина скосила на него глаза. Через две недели Синдре исполнилось двадцать шесть лет, но круглые очки, гладко причесанные волосы и серьезный взгляд делали его старше. Вдобавок и одевался он, как пенсионер, — вязаные кофты, свитера-безрукавки, просторные брюки. Пожалуй, так называемый «средний возраст» наступил для Синдре слишком рано.

И только смеялся он, как юноша, это Кристина отметила уже во время их первой встречи. Смех высвобождал его молодость, таящуюся за серьезными глазами. Да и грудь над круглым животом выглядела слишком беззащитной для мужчины в возрасте. Синдре будто боялся открыть миру, кто он есть на самом деле.

Но тут на заднем сиденье запротестовала шестилетняя Ирис. Ее не проведешь, нет здесь никакой сказки. От отца Ирис унаследовала бледную кожу и близко посаженные глаза. Она была из тех детей, которые все время спорят. Или виной всему был возраст?

— Магазин как магазин, мама, — объявила Ирис, когда «Иса» уже исчез позади.

— Нет, нет, — настаивала Кристина. — Он заколдован. Думаете, такого не может быть?

— Заколдован? — переспросил Антон.

Он был на год младше Ирис и больше походил на темноволосую, кареглазую мать. Развитый не по годам, Антон ни в чем не хотел уступать сестре, старшинство которой казалось ему вопиющей несправедливостью. Оба ребенка уже умели читать.

— Он не заколдован, мама, — вздохнула Ирис.

Тон ее голоса выдавал надежду, что мать сумеет переубедить ее в обратном.

— А вдруг? — не унималась Кристина. — Представь только, что ты заходишь в этот магазин, и все там как обычно — овощи и молоко, сыр и туалетная бумага, только в самом-самом конце... дверь, куда может войти не каждый. И за ней...

Нависшая пауза затянулась, потому что ни мать, ни дочь долго не решались ее нарушить.

Они миновали парковку возле медпункта, где висела большая карта местности, и увидели указатель на Сольвалу.

— Нам направо, — сказал Синдре.

Кристина повернула.

— Кажется, где-то здесь должна быть Гренста... — предположила она.

И в ту же секунду появился указатель на Гренсту.

Столько раз за последние месяцы Кристина представляла себе это место. Действительность не имела ничего общего с ее ожиданиями, так что Кристина даже не была разочарована. Она рассчитывала увидеть поселение, пусть небольшое, но увидела только быстро и магазин «Иса». Остальное открывалось постепенно, во время длительных пеших прогулок, которые Кристина регулярно предпринимала в течение последующих нескольких недель. Две просторные виллы за каменными заборами, вот-вот готовый рассыпаться деревянный дом постройки рубежа веков и почти вплотную к нему — кирпичный, спроектированный по программе «Экологическое жильё» семидесятых годов.

Кроме этого — множество красных построек с белыми углами, из которых большинство пусто-